

Лара Барох

КУПЧИХА -
ДЕТЕКТИВ

Лара Барох

Купчиха-детектив

<https://litres.ru/73550873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я попала в Российскую империю начала девятнадцатого века два года назад. Попривыкла, осмотрелась и принялась развивать бизнес, доставшийся от мужа. Только вот странные дела... С моим появлением в Новгороде стали твориться непонятные вещи. И все внимательнее полицейское ведомство присматривается... ко мне.

Лара Барох

Купчиха-детектив

Глава 1

— Дуся, собирай мои вещи в дорогу. На следующей неделе еду в Петербург, на ярмарку! — после воскресной службы объявила я домочадцам.

Старуха — управительница дома, моя правая рука и по совместительству бабка покойного мужа, схватилась за голову и взмолилась:

— Соколица ненаглядная! Не пущу, пусть Васька едет.

Василий Степанов служил у меня приказчиком на фабрике по производству ультрамодных шалей. Досталась она мне от мужа Григория, а дело было так.

Я попала в тело Авдотьи Никифоровны Боровиковой два года назад. Приняла вечером таблетку в родном Иркутске и легла спать, а очнулась, чуть живая, в Москве 1823 года в теле молодой женщины двадцати трех лет.

Они с мужем вместе весело проводили время на Масленицу, ходили по ярмаркам, ели сытные блины, запивая горячим чаем прямо на улице, одним словом, отрывались перед Великим постом. А затем Григорий захотел поучаствовать в кулачных боях, уж больно горазд был до задорных развлечений. Бился и «стенка на стенку», и попарно. Это мне уже потом соседи рассказали. В какой-то момент, разгоряченный

потехой, он скинул с себя тулуп, да, похоже, и застудился. Я же наотрез отказалась идти греться, поддерживала его кричалками, околела до черных губ, опять же со слов соседей. Большая любовь между нами была. А наутро оба слегли, да так, видимо, оба и покинули этот мир, а в тело Авдотьи перенеслась я.

Первой моей реакцией был испуг. Я ведь даже говорю иначе, нежели местные. Те при каждом слове ссылаются на волю Божию и поминутно крестятся на иконы. А я? Простой бухгалтер на заслуженном отдыхе, романы исторические плохо помню, все в интернете картинки разглядывала да короткие статьи читала. А надо было на историю налегать.

В общем, первые два года я училась всему, больше молчала, чем говорила, и во все глаза смотрела по сторонам.

Мужа покойного поминала всегда на утренних и вечерних молитвах добрым, благодарным словом, а в церкви неизменно ставила ему самую дорогую свечу за упокой. Мудрый мужик был, ему бы жить и жить...

После войны двенадцатого года не только знать, но и простые мужики повидали Европу, когда гнали Наполеона с наших земель, а вернувшись, рассказывали об увиденном. И Гриша смекнул, каким ажиотажем пользуются шали у женщин, начиная от крестьянок и мещанок и заканчивая дворянками.

Привозные шали тоже имелись, но стоили как три телеги дров. Далеко не каждому они были доступны, а принаря-

диться отчаянно хотелось всем: от крестьянок до княгинь.

И вот пять лет назад открыл Григорий свою фабрику по производству шалей. Денег назанимал у родни, знакомых, закупил станки и открыл при доме. Так многие люди поступали. Уже через год он расплатился со всеми долгами, а перед той роковой Масленицей мы переехали в новый дом в Лефортово, который муж купил, по словам прислуги, за десять тысяч серебром. Для понимания, поход в общественную баню стоит три копейки, телега дров пятнадцать рублей, а самая роскошная карета четыре тысячи рублей. Представляете примерный доход?

Производство, находящееся в пристрое нового дома, расширилось.

Таким образом, за пять лет наша семья из мещан превратилась в крепкую купеческую третью гильдии.

Едва смекнув, какой золотой бизнес мне достался, я переоформила в Казенной палате бумаги на себя, так многие вдовы поступали, друзья Гриши мне подсказали, и принялась вникать в бизнес.

За работников держалась мертвой хваткой, а приказчику Василию подняла жалованье. В общем, выстояла, не дала бизнесу затухнуть.

В качестве сырья муж закупал шемаханский и кашанский сорта шелка-сырца, который в Москву торговые посредники в большом количестве везли из Шемахи и Кашана, что в Персии, через астраханскую таможню. Деловые связи на-

лажены, объемы выверены, скидки вытребованы — шей, и только.

Шали моя фабрика выпускала стандартного размера: метр семьдесят на метр семьдесят, а края обрабатывались либо узорчатой каймой, либо роскошными кистями, до тридцати сантиметров длиной. Последнее — моя придумка.

Чем хороши мои шали: помимо качества, они не теряли ярких цветов, не выгорали на солнце и не деформировались при стирке. Но полгода назад я стала замечать спад продаж.

Во-первых, хитрые дельцы прознали, на чем можно зарабатывать, и заполонили Москву дешевыми подделками. А народу это только на руку.

А во-вторых, я понимала, что надо открывать продажи в других городах. Ну, сами посудите. Купила модница зеленую шаль на Петра и Павла, голубую — Богородичную, черную на Великий пост, красную — Пасхальную, ну и яркую, цветастую на простые дни. Сносу им нет, лет двадцать будут украшать и греть своих хозяек. А значит, больше они не купят. Следовательно, мне нужно расширять свой бизнес.

Выбор пал на столицу — Петербург, и Новгород. Там, со слов знакомых купцов, сосредоточение торговых путей, и за лето совокупный оборот ярмарок достигает десяти миллионов рублей.

С Василием я договорилась заранее, а домашним сообщила в последний момент, но все равно паника поднялась страшная.

Глава 2

— Не пущу! — билась в слезах у моих ног Дуся. — За Гришенькой не досмотрела, тебя на погибель не пущу!

Я подняла ее с трудом и усадила за стол договариваться.

— Я в столицу еду, не в Сибирь. Понимаешь разницу.

— А все одно, на дорогах нынче неспокойно, вон третьего дня купца Соловьева избили да ограбили, еле живой остался.

ТЬфу ты!

— Да купец тот проигрался в карты и, чтобы скрыть позор от родных, выдумал эту историю. О том вся Москва судачит.

— Нехристь, — перекрестилась на иконы старуха.

— Я все узнала. Дороги просохли, совершенно безопасные. Повсюду постоянные дворы для ночлега, да и не одна я поеду, а с купцом Иваном Кобейкиным. Он на столичных ярмарках частый гость, расскажет, где поселиться, присмотрит за мной, поможет. Кроме того, я забираю Авдея из торгового ряда. Нас целая орава едет.

— Вот пусть Авдейка один и едет, — обрадовалась старуха.

— Деловой мир живет по своим законам, — я терпеливо начала объяснять прописные истины. — При заключении договоренностей нужно присутствие хозяйки. С Авдеем никто разговаривать не будет!

— Лизонька круглой сиротой останется, — завывала старуха, не собираясь сдаваться.

Лиза — это моя дочь, вернее, этого тела, но сейчас моя. Ей

четыре года, и она только начинает присматриваться к миру вокруг себя. За Лизой неотступно следует нянька Зина, троюродная тетка покойного мужа. Ее он тоже выкупил из крепостных вместе с дядькой, тот работает на фабрике с двумя сыновьями-подростками. Товар до дому кому донести или с фабрики в Зеркальный ряд Китай-города, самое престижное место торговли в Москве, на минуточку.

— Чтоб у тебя язык отсох. Не по-божески это — живого человека хоронить. — Я повернулась к иконам и перекрестилась. — Гриша меня бы поддержал, Царствие ему небесное. Плохо идет торговля, надо расширяться, чем я и планирую заниматься. Иначе год-два, и придется дом продавать, не будет у нас денег.

Я надавила на самое больное место. Я ведь не только плачу жалованье рабочим и кормлю их два раза в день. На прибавление в семействе каждый из них получает подарок — десять рублей серебром, равно как и на похороны. Помимо этого, премии по рублю к церковным праздникам рабочим, а их у меня шестьдесят, и даю также деньги без всяких процентов на бытовые нужды.

Всей многочисленной семье мужа я высылаю на Пасху денежные подарки. Но этим все мало. Кто лошадь новую покупает, кто плуг — за деньгами ко мне.

А в храм? Сколько тысяч я туда отнесла? Считаю, иконостас поменяли, облачение священникам новое выправили. А оттого, что меня назначили почетной прихожанкой, конеч-

но, приятно, и молятся за меня и Гришу на каждой службе, то дело нужное. Но все же каждый шаг требует денег.

— Совсем денег нет, да? — перестала было реветь Дуся по поводу моего отъезда, да новый повод нашелся.

Тьфу ты. Ну вот как с темным человеком разговаривать?

— Пока, я повторяю, пока денег у меня достаточно. Но нужно смотреть на перспективу. Поэтому хватит пустых разговоров и слез, иди собирай меня в дорогу на месяц.

Я встала, показывая всем видом, что разговор окончен, и, накинув черную шаль собственного производства, направилась на фабрику. Благо здесь недалеко, пройти кухню и поворот направо. Прямо лестница на второй этаж, на мужскую половину, за моей спиной — женская. Посередине кухня и большая зала, здесь мы обедали всей семьей.

— Порадуй меня, Василий. Скажи, что к поездке в Петербург все шали готовы.

Я нашла приказчика и, зайдя за ним в его комнатку, опустилась на стул.

— Красных, зеленых, черных, голубых по тридцать штук. Цветастых пятьдесят. Больше не получится.

Ничего, я не собиралась ими торговать, они мне нужны в качестве образцов и взяток, куда без них на русской земле.

— Очень хорошо. И Авдею тащить меньше.

— Значит, надумали все же, Авдотья Никифоровна?

— Не мне тебе объяснять, что доходы падают, ты ведь все видишь своими глазами.

Я просидела у него с час, обговаривая по десятому разу детали. Я Василию абсолютно доверяла, производство он знал как свои пять пальцев и лихо с ним управлялся, и за это я покойному мужу была благодарна — что нашел такого работника. Сейчас я переживала бурю, которая неизменно поднялась в доме. Пусть наревется вдоволь, потом и разговаривать будем.

На ужине, сидя, как обычно, во главе стола, я объявила всем свое решение: уезжаю на месяц в Петербург с товаром. Заключать новые договоры, знакомиться с купцами, обратиться полезными связями.

За себя на время отсутствие оставляю главной в доме Дусю, на фабрике Василия.

Выезжаю в среду. До того времени, если есть пожелания, оглашайте.

А во вторник, когда я пришла к купцу Ивану Кобейкину, с которым собиралась в столицу, выяснила, что он прихворал.

— Авдотья Никифоровна, может, пару недель обождать?

Ага, сейчас, я выдержала целое сражение перед поездкой, и сейчас отступить? Да Дуся свяжет меня через две недели и точно из дому не выпустит. Нет, если ехать, то не откладывая.

— Нет, Иван Славич. Пиши мне как есть: где остановиться, кого спросить, что ответить и прочее. Да никому не вздумай сказывать, что я одна поехала.

— Так ведь готово все. Я как знал, что ты не отступишь-

ся. Машка, носи конверт, что давеча я для Авдотьи Никифоровны заготовил! — прокричал Иван прислуге и зашелся кашлем.

Так что в столицу пришлось ехать одной. Авдей не в счет.

Глава 3

Расстояние от Москвы до Петербурга составляло семьсот двадцать верст. По времени четыре-пять дней. Железнодорожного сообщения еще не было, как и воздушного. Основным видом транспорта являлись повозки, брички. Богатеи зачастую предпочитали отправиться в путь в карете, в которой было все необходимое: от аптечки до дорожной постели. Если лошади тоже были свои, такой способ путешествия был самым экономным и назывался «на долгих». Останавливались на длительные стоянки, никуда особо не спешили.

Самым надежным и быстрым видом транспорта являлись ямщики. Это подобие регулярных рейсов, на дороге проводят всю жизнь, знают каждый заворот и овражек и, конечно, всех по пути следования. На почтовых станциях скакунов меняли, а багаж перекладывали в новую повозку — так появилось выражение «ехать на перекладных».

Ввиду того, что для меня время — деньги, да и жизнь мне дорога, я договорилась с рядовым ямщиком Гиреем. Это был гордый горец, не молодой, ближе к сорока, а значит, лихачить не будет. Он плохо говорил по-русски, но, главное, давно перевозил людей и грузы, с его слов, из Москвы в столицу и обратно.

Я выкупила у него всю повозку, договорились, что за дополнительную плату он заедет ко мне домой. И вот наступило утро среды.

Мы помолились всей семьей, плотно позавтракали. Я перекрестила всех на прощание. Тем временем Авдей грузил и привязывал мой товар. Сверху мои вещи, для удобства их сложили в большие ящики и перевязали ремнями. С собой нам дали еды на роту солдат: пироги сладкие: с капустой и грибами. В невысоком бочонке щи зеленые с потрошками, отдельно десяток «слоновых» яиц. Это каленые в печи куриные яйца. Их складывали в чугунок, заливали небольшим количеством воды и ставили в подогретую печь на всю ночь. Утром вода, понятное дело, испарялась, яйцо приобретало шоколадный цвет, причем как скорлупа, так и белок. И вкус у продукта был восхитительный. Еще с собой дали крынку сметаны; свежее испеченный хлеб; два кувшина, один с квасом, второй с морсом; мед; тарелки, ложки, кружки, скатерти, полотенца. От творога, каши и молока я смогла отбиться.

Под вой домочадцев я сделала ручкой, и мы поехали в столицу.

Моя наивность нас едва не погубила. Когда мы проехали границы Москвы, я решила подбодрить Гирея и крикнула, что скорости не боюсь, пусть мчит во всю прыть.

— Это вы зря, Авдотья Никифоровна, — вжался в сидение Авдей. — Убьет он нас.

И как в воду глядел. Гирей словно с цепи сорвался, орал

и матерился, погоняя лошадей, хлестал плеткой над их головами и даже привстал на сиденье.

А чтобы вы понимали весь трагизм ситуации, то поясню: дорог асфальтированных в то время не существовало, сплошные ямы и кочки. Прибавьте к этому достаточно оживленное движение. Нередко попадались и ссыльные, закованные в кандалы, идущие по обочине, и такие же лихие ямщики. И все это в практически нулевой видимости из-за пыли, поднятой ногами, копытами, колесами.

Уже через час я стала просить Гирея, чтобы сбавил ход. Без толку. Тогда начала орать и угрожать, что на первой остановке поколочу его собственными руками, всю дурь из башки выбью. И только когда я пообещала доплату, этот гад соизволил сбавить ход.

На первой стоянке в какой-то деревушке я с трудом смогла выйти и распрямиться. Тело болело, будто меня всю дорогу били чем-то тяжелым.

Вся взятая из дома еда стала непригодна. Содержимое кувшинов, да и все прочее вылилось, перемешалось, поломалось. Я такое есть не собиралась. Купила пироги на всех и морс. Пошли первые траты.

Как подъехали на ночлег в почтовую станцию, я помнила плохо, настолько меня вымотал первый день путешествия. И ведь никто не предупредил, что будет настолько тяжело. Ну, держись Иван Славич, дай Бог свидимся, все тебе выскажу.

И еще Гирей напугал — едва повозка остановилась, он ки-

нулся внутрь станции. Первая моя мысль — сбежать решил. Вскоре он вышел, уже не торопясь, и выглядел счастливым.

— Будут нам утром свежие лошади.

— А могло быть иначе?

— Я как-то раз три дня ждал, пока появятся.

И он объяснил, что каждая станция обязана держать двадцать пять свежих лошадей на смену. Но есть нюанс. В первую очередь их предоставляют чиновникам и видным военным, а всем остальным по остаточному принципу. То есть если бы перед нами ехал генерал, то он имел право затребовать двадцать лошадей. Он же не один едет, с адъютантами и свитой.

С до самого приезда в Петербург я волновалась еще и за это.

Почтовые станции — это дорожные трактиры, в которых убираться было, насколько я поняла, не принято. Грязь ровным слоем покрывала полы, стены, лавки, и посуда буквально прилипали к столам. Номера для ночлега оказались чуть чище, но живность, помимо меня, в них кишела. Фу.

Авдей с Гиреем ночевали на сеновале, а я наутро поднялась со стоном. Вернее, вначале проснулась и ужаснулась от боли во всем теле, потом долго себя уговаривала и наконец отодралась от кровати.

Это первое свое путешествие я вспоминала со священным ужасом. А вечером пятого дня, мы приехали в столицу. Гирей честно предупредил что раньше не получится.

Я сняла комнаты в доходном доме, который посоветовал Иван Славич, и первым делом приказала приготовить мне горячую ванну. Когда я опустила в воду, то застонала от наслаждения и чуть не заплакала от избытка чувств. Вот какое оно, простое человеческое счастье! Добраться живой и целехонькой до Петербурга и помыться в горячей воде. Не из кувшина, а лежать, прикрыв глаза, и блаженствовать.

Глава 4

Проснувшись утром, я бодро, как только позволяло избитое дорогой тело, поднялась, умылась, собралась и спустилась вниз в ресторан, который имелся в доходном доме, но за отдельную плату.

Пока я завтракала, попросила прислугу дойти до Авдея. Ему сняла угол в этом же доме, но на пятом этаже, там самые дешевые цены, а чем ниже этаж, тем цены выше, причем значительно. Например, второй этаж за сто тридцать рублей в месяц, я не смогла себе позволить, заселилась на третий за двести пятьдесят. Учитывая, что жить планировалось неделю-две, то терпимо. А что вы хотите? Столица!

Авдей поклонился мне издалека, не решаясь перешагнуть порог дорогого заведения, я поднялась и вышла к нему.

— Вот тебе пять рублей, отпускаю тебя на полчаса. Поди найди, где поесть, да поплотнее. Весь день на ногах проведем. Неизвестно, когда в следующий раз удастся поесть.

После завтрака мы вдвоем вернулись в мои покои, потому как шали хранились там.

— Выбери по пять штук каждого вида и сложи с собой.

Я всегда удивлялась, как Авдей бережно относился к моему добру. Подсунув руки под шаль, он приподнимал ее, аккуратно откладывая в сторону, разглаживал, поправлял. Да, долго, но было дуже приятно видеть, как простой мужик дорожит моим товаром и этим проявляет уважение ко мне.

Авдей сложил шали, обмотал холщовой чистой тряпкой, сунул в заплечный мешок, и мы направились трудиться.

Но не сразу. Это же Петербург! Как можно не прогуляться по Невскому проспекту? Благо жили мы на Итальянской улице, в одном квартале от него.

Первым делом я направилась в Казанский собор. Его возвели относительно недавно, в 1811 году, но и по сей день он пользовался бешеной популярностью, а слухи о его величии и поныне ходили по Москве.

И странное дело. Я стояла возле могилы великого полководца Михаила Кутузова и вспоминала, как в другом мире и в другое время ровно на этом месте я разглядывала каменную плиту. Ничего не изменилось, разве что одежда людей и предметы в их руках.

Я подала записочку за упокой Григория. Поставила ему свечу и мысленно обратилась к нему.

«Григорий, продолжая твое детище, я приехала в столицу, чтобы расширить рынок сбыта. Отчего-то мне кажется, что ты бы и сам так поступил, и уж тем более одобряешь мои действия. Помолись там, у Престола Божия за меня. Попро-

си Святых угодников помочь мне в столь новом для меня деле».

Следом «отчиталась», так я часто делала, что вся его родня мной поддерживается, никого не обижаю. Особое внимание уделяю здоровью его дочери. Смахнула слезу, да и повернулась на выход.

Следующим пунктом в программе посещения значился Гостиный двор. Иван Славич настоятельно рекомендовал для начала заглянуть туда, приглядеться к товару, ценам, а уж потом топать на ярмарку. И вот там я и повстречала Александра Сергеевича Пушкина собственной персоной.

Я застыла, не веря своим глазам. Величайший поэт мира направлялся по галереям магазина в мою сторону. Я сразу узнала его по портретам, которые в другом мире видела с детства. Кудрявая, неопрятная шевелюра, чуть примятая с одного бока. Смуглая кожа. Трость в руке, цилиндр в другой. Одет в безукоризненный костюм и белую сорочку. И конечно, в окружении толпы подобных ему повес. Там были и молодые женщины в длинных платьях из тонкого шёлка, с высокой линией талии, маленьким объёмом лифа, прямой узкой юбкой. И мужчины в темных костюмах, но неизменно все заискивающе смотрели на великого поэта и ловили каждое его слово.

Я застыла в замешательстве и невольно преградила процессии дорогу. Пушкин вскинул недовольно бровь, обвел меня с головы до ног пренебрежительным взглядом и на по-

теху публики выдал громко вслух:

— На вас смотрю с язвительным упреком, считаю я безвкусицу пороком, сверкая юбками, подите прочь, ведь даже Цихлер не в силах вам помочь!

Прихлебатели кинулись ему натурально рукоплескать, выкрикивать, естественно по-французски, «браво» и осыпать комплиментами.

А я... Меня никто никогда не оскорблял, и уж тем более прилюдно, а еще эти пренебрежительные взгляды, надутые губки.

На глаза навернулись слезы обиды, я развернулась и кинулась, не разбирая дороги, напрямик... в грудь незнакомца.

— Сударыня, не стоит обращать внимание на колкость Пушкина. Вся столица знает, что ему запретили выезд за границу, а вместо этого посоветовали найти врача в Пскове, намекнув на уединенное жительство в Михайловском, — не менее громко, да еще со смехом, объявил во всеуслышание незнакомец.

За моей спиной послышалось шипение и раздался грозный окрик:

— Господа! А не устроить ли нам гонки на дрожках?

Пушкин опрометью пронесся мимо и вскоре скрылся из виду.

— Позвольте представиться. Иван Степанович Абрикосов, купец третьей гильдии, — склонил передо мной голову мужчина.

— Поставщик Его императорского двора?! — всплеснула я руками.

— Ох, сударыня, о таком я и мечтать не смею... — тяжело вздохнул и отвел взгляд мой новый знакомый.

— Авдотья Никифоровна Боровикова. Купчиха третьей гильдии.

Вспомнив, что забыла представиться, я по-деловому протянула ему ладонь для рукопожатия.

Мы со многими купцами так здоровались в Москве. Когда ведешь деловые переговоры, половые признаки отступают на второй план.

Иван Степанович покосился на мою ладонь, тепло улыбнулся и легонько пожал самые кончики пальцев.

— Для меня честь познакомиться со столь очаровательной... — Он прошелся взглядом по моим черным одеждам, свидетельствующим о трауре. — Купчихой.

— И я рада знакомству.

— В таком случае, позвольте предложить свою кандидатуру в качестве провожатого, чтобы ни один Пушкин не посмел вас оскорбить.

Абрикосов подставил мне локоть, и я с благодарностью оперлась на согнутую руку.

Глава 5

— Авдотья Никифоровна, позвольте поинтересоваться, откуда вы прибыли в столицу?

Иван Степанович, дирижируя тростью, неторопливо шел

по проходу, минуя все прилавки.

Я же начала себя ругать, едва волна позора схлынула. Прогуливаемся, как на отдыхе, а я приехала работать. Вон вижу, ткани продают, пощупать бы, присмотреться. Дешевле, чем у своих поставщиков, наверняка не встречу, но следует изучить столичный рынок.

А едва я увидела издалека елочкой развешенные шали, как ускорила шаг.

— Из Москвы... Простите, Иван Степанович, — я отняла свою руку. — Мне надобно посмотреть этот товар.

И опрометью метнулась к нужному прилавку. До чего могла дотянуться, все перещупала. С этим все понятно — сплошной импорт.

— Скажи-ка, Авдей, откуда привезены сие шали? — я повернулась к неотступно следовавшему за мной работнику.

Тот залихвацки разгладил густые усы и начал перечислять:

— Польские, персидские, а эти местная халтура.

— Не смей порочить мой товар! — накинулся на нас торговец. — Мой товар особливо из Франции, все от лучших модисток, только самый качественный товар. Последняя мода!

Его поддержали другие, и нам пришлось ретироваться. Даже цену не успели спросить.

— Авдотья Никифоровна, вы бы поосторожней с этими торговцами, почитай, первый магазин во всей империи, и ме-

ста здесь самые дорогие. Поколотить, конечно, не посмеют, но оскорбят не хуже иного.

Да, это не родная Москва, где я каждому могла кинуть в лицо, что он жулик, попробуй скажи слово против моего. А для этих я «темная лошадка».

— Вы с какой надобностью в столицу пожаловали? А давайте я приглашу вас на чай с пирожными, это прямо здесь, на первом этаже. Ну, право, не на бегу же нам беседовать.

Чай распивать мне было совершенно не ко времени, но надо же отдать дань приличия Ивану Степановичу за его заступничество перед Пушкиным. Вот не зря про того оставляли воспоминания как о человеке склочном, зачастую первым зачинающим дуэль. И как результат... А ведь в какой-то миг я решила его уговорить его отказаться от дуэли с Данте-сом. А сейчас понимаю, что на роду написано...

— С превеликим удовольствием, Иван Степанович, но недолго. Мне еще на ярмарку и так, по магазинам, — не стала я вдаваться в подробности.

Но мое решение пойти с Абрикосовым в кафе оказалось поистине судьбоносным. Я начала хвалить себя и благодарить Гришу за помощь. Услыхал, видать, он мою молитву.

Иван Степанович выпросил меня по-деловому о цели визита и предложил замахнуться на награды выставки, что проходила сейчас в столице: медали, грамоты, гербы, благодарности. Аргументировал тем, что награда придаст моей фабрике вес, изменит статус, и, соответственно, я могу рассчи-

тывать на более выгодные договоры.

— Награждают половину товаров, поэтому шанс велик,
— добавил в конце он.

— Что для этого нужно сделать? Сколько это стоит?

Денег я взяла с запасом. Но неизвестно, какие здесь расценки, а вдруг мне не по карману? И домой придется возвращаться пешком, зато с медалью.

— Это совершенно ничего не стоит, но вот место на выставке...

Выяснилось, что за месяц следует выложить до трехста рублей, в зависимости от престижности места. Такими деньгами я располагала. А вот товаром — нет. Но лучше попробовать. Взять, к примеру, место на три дня, присмотреться, познакомиться, а там как пойдет.

— Авдей, ты готов торговать в столице?

Я повернулась к работнику, который поджидал нас, разглядывая прогуливающуюся по Невскому публику.

— Только дайте волю, хозяйка, — он с готовностью выпрямился. И попросил: — Пробежуся я по рядам, цены посмотрю, товар опять же. Надобно для будущего торгу.

И пока он ходил, я расспрашивала Ивана Степановича о его делах. Он приехал с теми же проблемами, что и я.

Его отец Степан родом из крепостных. В возрасте шестидесяти четырех лет отпросился у барыни в Москву. Да так отпросился, что та не только отпустила, но и денег немного дала. В Москве стал выпускать варенье и пастилу из абрикото-

сов, так и получил знаменитую фамилию. Отошел к Господу тринадцать лет назад.

У Ивана Степановича, по его словам, не было той деловой хватки, как у родителя. Кроме того, конкуренты не дремали, на рынке было немало подобного товара. Да и в Коломне и Белеве пастилу делали издревле. Куда ему против такого размаха.

Я начала судорожно припоминать, чем именно отличилась династия Абрикосовых, и первое, что пришло на ум, — упаковка. Именно они придумали, насколько я помню, каждую конфету заворачивать в яркий фантик, а леденцы продавать в небольших жестяных банках. Но Иван Сергеевич все про пастилу... Еще не догадался?

— А вы тоже выставляете свой вкусный товар на выставке?

— Выставить-то выставил, да не больно возле меня останавливаются, если я стою в одном ряду с подобным товаром.

— А проводите меня к своим лакомствам. Может, и я смогу чем оказать вам ответную услугу, подскажу. Мы совершенно не конкуренты и вполне можем дружить.

— От советов грех отказываться, прошу, сударыня.

Авдей вернулся скоро, гордо вышагивая и насвистывая популярный мотивчик.

— Барыня, смею доложить, нет у них в столице доброго товара.

— Нам легче! — хищно улыбнулась я.

Мой Авдей если не бог торговли, то в макушку Боженькой целованный. Он настолько хорошо продает товар, что выкупил не только себя у покойного мужа из крепостных, но и всю свою семью. Что же касается денег, я никогда ему не зажимала жалованье. Попросит рубль — дарю два, потому что он отработает их с лихвой. И держаться будет за щедрую хозяйку обеими руками.

— Цены-то какие поставишь? — полюбопытствовала я. Не зря ведь бегал смотреть-изучать рынок.

— По двадцать рублей за шаль просить стану, — вскинув подбородок, ответил Авдей.

— Да ты что! Никто не купит! — схватила я за голову. В Москве мы продавали шали редко когда дороже десяти рублей.

— С руками оторвут. Вот увидите, барыня.

И после короткого разговора Иван Степанович повел меня вниз по Невскому, в сторону ярмарки на Сенатской площади.

Глава 6

Ярмарка! В первую очередь это место веселья. Отовсюду сыплются шутки-прибаутки и веселые завывалки продавцов. Притом каждый считает своей честью придумать свою, индивидуальную и выкрикивает ее без умолку целый день.

— А ну, не дорого купите творога, и вот вам курица и сельдерей!

— Не товар, а сущий клад. Разбирайте нарасхват.

У Авдея была своя, фирменная зазывалка:

— Люди, подходите! Шали поглядите. Одна красна, друга синя, а уж третья хороша, не жалей на то гроша!

На Сенатской площади располагалась центральная выставка. Но торговали на ней те же купцы и торговцы, оттого атмосфера больше напоминала ярмарочное веселье. Да и как не хвалить свой товар? Не купят же!

Первым делом я огляделась по сторонам. Нет привычного парка за спиной «Медного всадника», открытая площадь. Не пройдет и полгода, как скоропостижно скончается государь император Александр Первый. Его наследники какое-то время будут отрешиваться от власти, невиданное для истории событие, и этим воспользуются декабристы... Дальше казни, ссылки, подвиг их жен. И обожание общества до конца времен.

Ну да ладно, управлюсь до того времени.

Выставка представляла из себя ровные ряды для торговли, устроенные под навесами. Все же сухая погода не жалует Петербург.

Ряды распределялись по видам товаров. Я прислушалась. Чего-то не хватало, и лишь позднее поняла — нет кудахтанья кур, рева коров, бляения коз. Все же Петербург, а не Москва — столица отставных и пожилых. Она консервативнее Петербурга, куда уезжали за карьерой и модой. В московских домах царила семейная иерархия, свойское родство и много других бытовых условностей.

Но вот ароматы все знакомые: повсюду, прямо на улице, на специально изготовленных печах жарят пироги. Ах, какие вкусные они выходили у нашей кухарки Фени. Как там мои? Проревели наверняка неделю, а сейчас на молитву о благополучном устройении моих дел встали.

— Авдотья Никифоровна, вас проводить к устроителям или вначале ко мне пойдете? — несколько смущенно спросил Абрикосов.

— Пожалуй, к вам. Авдей, осмотрись здесь, я буду ждать тебя в сладких рядах у Ивана Степановича.

Мой работник изнывал от нетерпения, поэтому я отпустила его знакомиться и осматриваться и направилась следом за Абрикосовым.

Я оказалась права. Он привез на ярмарку пастилу в пластинках, сложенных одна на другую и разрезанных на разного размера порции. А также скрученную в трубочки. И все.

Ну кого можно удивить таким товаром? Понятно, что к его прилавку подходили лишь зеваки, чтобы попробовать лакомство бесплатно, да идти дальше по рядам.

— А конфеты? Вы не думали их выпускать? Сахар не поднимается в цене. Из него можно выпускать монпансье.

Эти дешевые конфеты были весьма распространены в Москве.

— Что касается какао-бобов, я могу вас свести с посредниками, у которых покупаю шелк из Персии, они подскажут, у кого лучше закупать какао.

— Я и сам подумывал о расширении ассортимента. Но это так рискованно, да и вложений требует немалых.

— Никакого риска, уверяю вас. Найдите хорошего... Как называется человек, изготавливающий конфеты? Вот его найдите и платите ему щедро. Поверьте, изготовленное в России будет заведомо дешевле заграничного. Мы же избавлены от пошлин. Я сужу по себе, мои шали на порядок качественнее заграничных, а обходятся в два раза дешевле. Но все мое производство держится на двух людях: это приказчик на фабрике и Авдей.

В глазах Ивана Степановича вспыхнул огонь.

— Далее о вложениях. Я могу вам одолжить, под расписку естественно, средства. Без процентов. Думаю, меньше чем за год все окупится у вас с лихвой. Но следует немало потрудиться.

Судя по реакции Абрикосова, он и сам понимал необходимость перемен. Только вот ни у кого не находил поддержки, а может, не разговаривал на эту тему. А тут я со своей кипучей, могучей, ничем необъяснимой энергией. Разложила ему все по полочкам, да еще пообещала отрядить к нему Авдея, за отдельную плату непосредственно последнему, чтобы наладил ему продажи, подыскал и натаскал работников. А это уже реальная помощь, не на словах.

— Если пожелаете, мы с вами встретимся в Москве. Обсудим первые шаги, я сведу вас с людьми, и посчитаем, сколько потребуется вам денег.

— Желаю. А когда вы отправитесь в Москву? — ухватился за предложение Абрикосов.

— А вот медальку заполучу, и можно ехать, — усмехнулась я.

Про отсутствие товара умолчала. Умничала тут полчаса, распиналась, а сама с пустыми руками приехала. Хороша купчиха!

Вскоре прибежал Авдей. Глаза горят.

— Матушка Авдотья Никифоровна, все разузнал. Когда начинать-то? Торг всюю идет!

Он слезно просился в бой. Не может русский человек без работы.

— А вот нам сейчас Иван Степанович самолично и поможет устроиться.

Купец провел нас до навеса, под которым устроители выставки собирали плату и распределяли места, и представил меня.

— Купчиха третьей гильдии Авдотья Никифоровна Боровикова.

— Чем торгуете? — скользнул по мне взглядом приказчик.

— Шали шелковые и шерстяные собственного производства. У вас таких нет, я приехала из Москвы.

— Так уж и нет? — откровенно начал издеваться приказчик.

— Авдей?

Я передала слово своему цепному псу.

Тот за пять минут раскатал приказчика в желтую пыль.

Умело выставляя преимущества моих шалей.

— Правда, что ли, из шелку шемахинского?

— У меня заключены долгосрочные договоры с поставщиками, — я задрала подбородок.

Я вам не фирма-однодневка, а серьезная купчиха.

— Ну коли так, то выделю вам самое козырное место, правда, недешево.

— Мы с лихвой все отобьем.

Я показала свое Гильдейское свидетельство, паспорт, за пять минут оформили бумаги. Приказчик свистнул подростка и приказал показать нам наше торговое место.

А дальше — катастрофа. И часа не прошло, как Авдей ревел — распродал весь товар. Пришлось нам с Иваном Степановичем мчать на пролетке ко мне, забирать шали и возвращаться обратно. Но все равно к концу дня осталось только по два экземпляра шалей, которые я запретила продавать. Оставила для образцов. Потому что потянулись ко мне купцы договариваться о налаживании контактов, а каждому следовало подарить по экземпляру шали.

— Вот так мы работаем!

Не без гордости заявила я в конце дня ошеломленному Абрикосову.

Глава 7

Таким образом я заключила четыре контракта со столич-

ными купцами. Немного? До того у меня была одна торговая точка, а сейчас, считай, четыре, это значит, что товарооборот увеличится больше чем в два раза, и главное — деньги и стабильность в будущем.

Договоры заключались исключительно в устной форме. Мы представлялись друг другу, раскланивались, а потом договаривались о цене и об объемах. И не дай бог нарушить слово, империя маленькая, все друг друга знают, стоит обойти исполнение обязательств, не выплатить деньги за товар или вовремя не поставить — и конец доброму имени. Никто с тобой работать не будет. А как донесут в Казенную палату, так, в зависимости от тяжести, можно и плетей схлопотать, и в Сибирь отправиться в ножных кандалах.

В конце торгового дня довольная своими успехами я подошла к организаторам выставки.

— Я закончила торговлю.

Они в ответ погрустнели, глаза забегали.

— Вы ошеломили столичную публику своим товаром, оставайтесь до конца выставки, и если никто не превзойдет ваш результат, мы дадим вам почетное свидетельство и Гран-при выставки, наивысшую награду.

Ох, заманчиво и приятно.

— А ждать сколько?

— Полторы недели.

Ну нет, за это время я все деньги, что заработала, спущу на еду и проживание. Были бы шали, другое дело. Но Гран-

при...

— В другой раз непременно останусь, а сейчас я приехала впервые, со всем ознакомилась и не намерена оставаться.

Устроители вновь отвели глаза. Да что такое?

— По правилам мы не возвращаем деньги за оплаченные места...

Врут! Вижу по глазам побитой собаки. Мне говорят одно, а сами уже посчитали, какую сумму положат в свой карман. Но что поделать, Российская империя.

— Да и не возвращайте, — махнула я рукой. Будь я в Москве, стрясла бы все до копейки, а здесь... — Тогда наградите мой товар медалью!

Ну а что? Сами же заикнулись про Гран-при. А не напомнишь — забудут, отмолчатся.

— А это мы запросто. Приходите завтра, будет готова Золотая медаль выставки.

Золотая! А и правильно. Качественней и краше моих шалей нет во всей империи. И тут же мелькнула предательская мысль: а может, остаться до конца выставки? Отправить Авдея за товаром домой, Василий уже запас подготовил. Под конец выставки расторгуюсь, да и возьму главную награду.

Но благоразумие взяло верх. Моя фабрика не готова к большим объемам. Еще даже два договора я не потяну. Нужно вначале расширить производство, а уж потом покорять новые вершины. Но не в столице. Отсюда товар разойдется по всей империи.

Есть у меня цель — Великая Новгородская ярмарка. Туда съезжаются торговцы со всего мира. Пора мне уже выходить на международный уровень. Доросла.

— Приду, — заверила я устроителей.

За то, что не я потребовала свои деньги, они были довольны и заискивающе «махали хвостами» передо мной.

Что касается торговли, деловая хватка у меня и Авдея мертвая. А вот быт...

— Иван Степанович, а вы планируете остаться до конца выставки?

Он неотступно сопровождал меня.

— Сейчас уже нет, вот если бы мой товар разбирали, как ваш...

— Поверьте, все так и будет. Но следует приложить усилия.

И мы договорились возвращаться домой вместе. Два-три дня на сборы, ему на распродажу по бросовым ценам пастилы, потому что везти обратно дороже выйдет. Мне на прогулки по столице и на получение желанного приза.

Абрикосов проводил меня до доходного дома, в котором я остановилась. К тому времени прилив восторга и сил схлынул, и я еле дошла. Надо было экипаж брать. Но это ведь Петербург! Когда еще удастся здесь побывать? Хотелось надышаться этим воздухом, насмотреться на великолепную архитектуру, побольше запомнить, впитать...

И как результат, я еле поднялась на свой этаж. Есть хоте-

лось безмерно, но я решила для начала отдохнуть, а уж потом плотно поужинать. Да и прихватила с собой с выставки пару пирогов, на перекус хватит.

На следующий день Иван Степанович встретил меня, как и договорились накануне, в одиннадцать часов. Я была свежа, бодра и весела. Сегодня знаменательный день — я получаю награду на первой своей выставке, да еще в столице.

Но все вышло не так, как мне рисовалось в мечтах, а как-то буднично, без пафоса и красной дорожки.

Я пришла к устроителям. Они протянули мне свидетельство об участии в выставке и желтую, начищенную до блеска медаль, сантиметров семь в диаметре, на которой было выбито мое имя и подтверждение участия в выставке. В общем, половину радости я недополучила.

Добрать ее я решила в ресторане вечером, пригласив Ивана Степановича разделить со мной торжество момента.

Вначале мы гуляли вокруг императорского дворца на площади, прокатились на лодке по каналам столицы. Вечный город. Как сильно, оказывается, я им дорожу. Правда, немного угнетала суета, непривычная для Москвы.

Повсюду крики извозчиков, требующих уступить дорогу. Торопливо снующие пролетки. Какой-то дурень устроил гонки на дрожках и спровоцировал ДТП. Поднялся шум. Истошно кричала женщина, отовсюду сбегались поглазеть зеваки.

Затем мы погуляли по многочисленным паркам, вдоль ка-

налов Посмотрели сквозь решетки на Михайловский замок, вот здесь суэта отступила. Тишина и покой, но это для тех, кто не знает, что именно в этом замке был убит заговорщиками император Павел Первый.

Вечер я провела в превосходной компании Ивана Степановича. Он немного рассказал о себе: старше меня на пять лет, вдовец, его жена умерла родами в прошлом феврале, оставив ему сына Алексея.

Договорились, что следующий день отведем на подготовку, она требовалась Ивану Степановичу, а послезавтра с утра выезжаем вместе домой.

Глава 8

Пока Иван Степанович улаживал свои дела, я в сопровождении Авдея гуляла по столице. Зашла помолиться в Казанский собор. Поднялась по Невскому до Александро-Невской лавры и преклонила колени перед могилой величайшего полководца всех времен и народов — Александра Васильевича Суворова.

Обязательная программа на этом закончилась. Пришла пора заняться подарками. Первым делом я выдала Авдею два серебряных рубля в качестве премии.

Деньги в Российской империи имели хождение двух видов: бумажные ассигнации и серебряные рубли. За один серебряный рубль давали четыре-пять бумажных, как договоришься. Поэтому, считай, я подарила работнику почти телегу дров на зиму, а это немало.

С остальными решила так: Василия премирую тремя серебряными рублями, а домашним привезу в подарок отрезы на платья, дочери — разноцветные атласные ленты, чтобы вплетать в густые косы.

Авдей, набегавшись по торговым точкам, подсказал возвращаться на выставку, там и цены пониже и выбор большой. На этот раз я отказалась идти пешком — это же весь Невский пройти надобно — и наняла пролетку. С ветерком добрались до Сенатской площади, а там Авдей помог выбрать ткань качеством получше. Он и торговался с торговцами за каждую полушку. Золото, а не работник. В Новгород непременно его с собой возьму.

Вернувшись в доходный дом, мы собрались, а наутро за нами заехал Иван Степанович.

Затем пересели в бричку к нанятому загодя ямщику и помчались домой. Благодаря тому, что я знала, что меня ожидает, дорога далась сравнительно легко. Почтовые станции уже не пугали грязью, и спала я богатырским сном. Правда, поболтать в дороге возможности практически не было: мы крепко держались, опасаясь выпасть на очередном обгоне, да и комья грязи с пылью, летящие в лицо, не способствовали беседам.

Когда я доехала до дома, то напугала своим видом родных. Но тут же приказала затопить баню, а пока та готовилась, раздавала подарки и хвасталась медалькой. Вот я какая! Не просто купчиха, а получила золото на выставке. Про

то, как получила, понятное дело, умолчала.

В бане я смыла с себя всю усталость, выпарила свежим венником мышечную боль и заснула в собственной постели совершенно счастливая. Надо же! Первая поездка прошла просто великолепно, я даже и не рассчитывала на такой успех. А Пушкин... Да тьфу на него, вечно в долгах, не ровня он мне.

На следующий день после завтрака я направилась на фабрику. А там явные перемены. Станки и столы сдвинуты, не на много, но высвободился угол для чего-то.

— Василий, вижу перемены ты затеял?

— Малость не успели к вашему возвращению. Для расширения нам бы еще один раскроечный стол поставить. Я поговорил с работниками, они согласны за небольшую доплату трудиться на полчаса дольше. А часть будет приходиться на четыре часа в выходной. Я посчитал: если прибавить еще один стол, то можно до трети увеличить выпуск шалей.

Рабочий день длился по общему правилу — десять часов. В воскресенье выходной. Но! В общее время включался завтрак и ужин, которым я кормила работников бесплатно, так заведено. Плюс отводился час на обед и отдых. Работники могли либо лежать тут же на полу, либо пойти в трактир и перекусить, либо за копейчку купить у моей Фени пирогов и кваса и отобедать тут же. Я ничему не препятствовала, потому что работали мои мужики честно. И да, в штате были одни мужчины. Женщинам работать было не принято, они сидели дома, воспитывали детей и держали хозяйство.

Медалька жгла карман. Я показала ее всем, кого смогла оторвать от работы. И жутко захотелось похвастать всему свету о своих успехах. Недолго думая, я решила следующее. У художника закажу эскиз этикетки. Вверху красивым шрифтом пусть напишет «Сия шаль изготовлена на фабрике Авдотьи Боровиковой». А внизу изобразит медаль и допишет, что мои шали удостоены золотой медали на выставке в Петербурге.

Следом в типографии закажу этикетку на плотной бумаге, а потом работники будут пришивать ее к каждой шали. Это показатель статуса, и сразу можно будет процентов на десять поднять цену, ради чего все и затевалось.

Поруководив на фабрике, я собралась и, взяв с собой Наську, девицу восемнадцати лет, направилась по делам. Та, что находилась до меня в этом теле, заприметила Наську на ярмарке лет пять назад. Она сирота, побиралась, а когда не подавали, воровала. Была бита и за косьмы изрядно таскана в наказание. Так вот купчиха пожалела ее и взяла в дом. С тех пор девчонка превратилась в статную красавицу, незаменимую помощницу по дому.

По обычаю одной мне появляться на улице нельзя, примут за гулящую, побить не побьют, но в лицо запросто плюнут. Москва город патриархальный. Поэтому всякий раз, выходя из дома, я брала с собой Наську или Дусю. Но с Дусей сложно. Она обсуждала каждого встречно: то задом виляет, тьфу, позорище, то не остановилась и не перекрестилась на коло-

кольную церкви — грех-то какой! Наська в этом смысле была молчалива и не задавала лишних вопросов.

Я дошла до художника. Их в Москве развелось после войны как блох. Все безденежные, малюют кошечек и собачек, да за бесценок продают на ярмарке. Крамского на них нет.

Показала медаль, четко обозначила размеры, написала, какие надписи должны быть. Сторговалась за пять ассигнаций. Там работы на час. Подумала и отказалась выдавать аванс. Пропьет еще, в загул уйдет... Вот сделает работу и получит всю сумму. Проворней рисовать станет.

После чего я заехала к Ивану Славичу и рассказала ему, как съездила, не забыв похвастать медалькой. Собственно, ради этого и заявила. Мужики, они сплетники не хуже нас, женщин. Бьюсь об заклад, что уже к вечеру половина Москвы будет знать о моих успехах.

И что характерно, Иван выздоровел, а в столицу так и не поехал. А если бы я его послушала и стала ждать? Вот жук!

Напилась у него чая с пирожными и вернулась домой. А там мне ворчащая Дуся объявила, что по мою душу приходил мужик, ждал, да потом, извинившись, ушел. Надо сказать, что ко мне домой никто из мужиков не приходил. У меня, во-первых, траур, еще год. Всего он длится три года по потере мужа или ребенка. А во-вторых, я предпочитала сама наносить деловые визиты. А иначе как я изучу быт и окружающую меня обстановку? Как научусь домашних гонять?

— Кто хоть был? Небось Иван Степанович Абрикосов?

Мы в столице познакомились, он тоже купец, но торгует пастилой.

— Ентот и был, — фыркнула старуха и ушла на кухню.

Глава 9

Я за ней.

— Расскажи, что он передал? Может, записку оставил?

— Ничего такого, сидел, глазел на нас, варенье и пастилу оставил. Мы их на пироги пустили.

Визиты ранее двенадцати часов наносить было не принято. Это касалось дворянских правил вежливости. Купцы носились с рассвета до темноты, но Москва чопорная, консервативная, со своими устоями. Вот Иван Степанович и пришел в общепринятое время, а я-то по своим делам моталась. Придется завтра его дожидаться.

Но я не вытерпела. Утром сбегала до художника и осталась крайне довольна его рисунком. От себя он добавил оливковую ветвь, и она прекрасно сочеталась с желтизной медальки. На радостях я выдала ему шесть рублей ассигнациями и вернулась домой.

В ожидании Абрикосова, а я не сомневалась, что он вновь явится, я согласовала с приказчиком планы. Через три дня уедет первая партия моих шалей в Петербург. Через неделю еще одна. А вот в Новгород мне опять брать нечего. Поэтому будем с Авдеем работать по проверенной схеме. С собой возьмем штук сто разных шалей, выкупим место на ярмарке на один день, громко заявим о себе, а затем я буду заклю-

чать договоры с иноземными торговцами. Думаю, что выберу лишь европейцев, ведь какой смысл от теплых шалей, например, в Персии? Контракта два-четыре мне за глаза хватит. Можно после этого почивать на лаврах. Хотя нет. Я буду работать над престижем моих изделий, ездить по выставкам и получать призы. Осенью обещают организовать большую выставку в Москве, а до того, видимо, будет столица и, собственно, Новгород.

Вскоре пришел Иван Степанович. Первым делом я показала ему макет этикетки. Общение между нами еще в Петербурге перешло в дружеское. Мы легко разговаривали, без слов понимали, в чем купеческое счастье. А чего стесняться? Наоборот, надо поддерживать друг друга.

Абрикосов не остался в стороне и не без гордости поведал, что уже заказал машинку для производства монпансье.

— Похвально, Иван Степанович. Не ожидала, что вы таким прытким окажитесь. А фасовать для продажи как будете?

— Хочу на французский манер — в жестяные баночки.

— Вот! Именно это я и хотела вам посоветовать. А на баночках делайте рисунки по сериям. Пусть одна серия будет посвящена нашей великой победе в войне с Наполеоном. Допустим, будет у вас десять банок с нарисованными ключевыми вехами в войне. Понимаете?

— Вы хотите сказать, что люди станут покупать мои конфеты ради того, чтобы собрать коллекцию?

— Скучно с вами, — рассмеялась я. — Вам и подсказать нечего, сами все знаете.

— Так, стало быть, продажи сразу в десять раз увеличатся. Уму непостижимо, сама банка в три раза дороже леденцов, а если серия, то и узнавать мой товар будут?

Абрикосов не удержался, против всяких правил соскочил с места и ну кружить по кухне.

— А про шоколад что придумали? Кстати, угощайтесь пирогами с вашей пастилой и вареньем.

Нам как раз накрыли стол.

Я взяла один пирог, разломил, да так и замерла.

— Пастилу нарежьте порционно, залейте шоколадом и заверните в яркие фантики. По сериям, конечно. Можно разные фрукты изобразить: сливу, яблоки, вишню. Или, наоборот, нарисовать экзотические, диковинные, которые мы никогда не видели и не ели. А рядом в несколько слов описать их вкус. Серию птиц и зверей. Вы записываете или так запомните? — усмехнулась я.

— Это же...

— Да! Гарантированный успех и Гран-при на выставках. Правда, вам будут подражать, подделывать товар, но к тому времени вы шагнете уже на другой уровень и станете выпускать шоколадные конфеты в красочных коробках — подарочный вариант. Думайте над начинкой.

— Орехи, изюм, курага, чернослив.

Он опустил рядом на лавку и схватился за голову.

— Авдотья Никифоровна! Это же все так дешево и гениально!

— А все гениальное — просто!

Я переждала, пока он вдоволь нарадуется, пугая моих домочадцев резкими вскриками и заламыванием рук, и продолжила:

— Вам нужны контакты с поставщиками какао, я вас прямо сейчас познакомлю с Василием. За закуп он у меня отвечает. А потом отряжу вам Авдея, сами видели, какой он у меня талантливый. Денег за его советы не жалейте, они к вам во сто крат вернуться. Слушайте его, задавайте вопросы и просите найти вам такого же смышленного продавца.

Мне понравилось, что Иван Степанович все «схватывал на лету». Такому приятно открывать новое. Не отмахивается — сложно, такое никто не купит, а подхватывает и продумывает весь цикл, начиная от производства и заканчивая сбытом. А говорил, хватки нет.

Я отвела его к Василию, познакомила, объяснила, что Иван Степанович нам вообще не конкурент. Только после этого разгладилась хмурая морщинка на переносице приказчика. И он согласился поделиться контактами, еще и скидку пообещал устроить. Потому что мы работаем с одними и теми же поставщиками с момента открытия фабрики. К нам высочайший уровень доверия и, как результат, скидки.

Василий лишь одно условие поставил — не обманывать поставщиков. На что Абрикосов дал честное купеческое сло-

во, и они ударили по рукам.

Затем наши пути разошлись. Я побежала заказывать этикетки, уж больно хотелось через три дня партию шалей отправить с ними. Затем проехала до Авдея и уведомила его, что через неделю едем в Новгород.

Он поддержал меня в том, что много товара брать с собой не нужно.

— Все одно не хватит нам, — Авдей довольно погладил усы.

И то верно.

Оставшееся до поездки время я выискивала информацию, где остановиться в Новгороде, какие там царят нравы, искала — безуспешно — связи. Меня честно предупредили все, кто там бывал, что новгородцы живут своим миром. Москвичи или столичные купцы им не указ. В общем, занималась организационными вопросами.

По два раза в неделю забегал Абрикосов и все время рассказывал новости.

— Авдотья Никифоровна, посмотрите, какие картинки мне нарисовали для серий! — в восхищении он тряс рисунками с изображением сцен сражений.

А в очередной понедельник, собравшись и помолившись на дорогу, мы с Авдеем отправились в Новгород на международную ярмарку.

Глава 10

До Новгорода было около шестиста верст. Значительно

короче, чем до Петербурга, поэтому я отнеслась к поездке как к легкой прогулке. Заодно и посмотрю, как империя управляется после войны.

Надо сказать, что в облике Москвы, особенно в ее центральной части, уже ничего не напоминало о пожаре 1812 года. И все благодаря смекалке выдающегося архитектора Осипа Бове. Обрусевший итальянец, пожалуй, первым придумал применять фасадные шаблоны для домов и целых кварталов. То есть внутри дом мог иметь какую угодно планировку, а вот фасад, выходящий на улицу, будьте любезны сделать по образцу. Образов было множество, но все выполнены в едином стиле.

Осип Бове запретил возвращать на Красную площадь торговцев и придал архитектурному памятнику такой вид, каким его знают потомки. Построил Большой театр и Триумфальную арку, разбил Александровский сад возле Кремля, но главное, улицы Москвы под его руководством получили четкую планировку.

Утром, помолвившись, мы выехали. От еды в дорогу я наотрез отказалась, хватит переводить зря продукты. На вопрос — с кем, помимо Авдея, еду, я уклончиво сослалась на других купцов. И поутру мы поехали по каторжной дороге, в народе называемой Владимиркой, в сторону Новгорода.

В дороге все проходило так же, как и по пути в Петербург: туча пыли и скачки на выбоинах. На последней почтовой станции пришлось ждать сутки свежих лошадей: до нас

проехал какой-то чиновник, и ему отдали запас. Я это время потратила на мытье. Оплатила баню и от души пропарила тело и промыла до скрипа. Да зря, потому что в следующий день зарядил дождь и превратил пыль, осевшую на одежду и лицо в корку грязи. Новое дорожное испытание для меня.

К вечеру пятого дня мы приехали в Новгород. Остановиться я решила в центре, в доходном доме. По цене выходило значительно дешевле столичного, и все рядом. Я прошла два квартала вниз — вот и знаменитая Новгородская ярмарка, работающая все лето. Напротив моего жилища центральная галерея, чуть дальше главная площадь с собором. И все магазины тут же.

Я сняла себе комнаты на третьем этаже, Авдею на пятом. Шали отнесли ко мне, и мы договорились с Авдеем встретиться в девять утра. Но едва мне начали наполнять ванну, как на улице поднялся шум:

«Пожар!»

Я мигом сориентировалась и, подхватив лишь документы и деньги, выскочила на улицу. С огнем шутки плохи, пусть потушат, после я вернусь или перееду в другое место.

Но, к моему удивлению, выяснилось, что горит центральная галерея напротив.

Открытого огня не было, дымило не сильно: из двери и пары окон.

— Говорят, подожгли, чтобы Буржую отомстить, — переговаривались бабы в толпе, пока мужики тушили пожар.

— За что мстить-то? Святой человек, вон и ночлежку для бродяг содержит, а сколько золота пожертвовал на Софийский собор. Дура ты, тьфу на тебя! — ругалась другая баба на первую.

Ничего не понятно, но пожар — это всегда плохо.

Вскоре я заприметила своего Авдея. Чумазый, как головешка, он вместе с мужиками таскал ведра с водой, баграми раскидывал и топтал угли, а попутно узнавал новости. Думаю, отчасти ради этого и подался он в огонь. А значит, надо подождать часок, попить чай, затем мой человек все расскажет из первых уст.

Так и случилось. Я дождалась в ресторане доходного дома, пока пожар полностью потушили, и перехватила Авдея. Он с другими мужиками, кажется, рассматривал планы на вечер.

— Денег сколь тебе надо?

— Рублей пять.

Выдала ему десятку, с запасом.

— Что это было?

Авдей уже отступил к ожидающим его мужикам, а мне же интересно.

— Подожгли галерею местного князя, Александра Вальдемаровича Буржуа. Там выставялись картины, вход хозяин установил бесплатный. Вот скажите, Авдотья Никифоровна, кому это понадобилось? Князь — человек известный, большой благотворитель, великий молитвенник и даже богатый человек, у него за Уралом свои прииски и заводы.

— И кому?

Я видела, что Авдей хитрит.

— А вот мы сейчас с мужиками и пойдем думу думать, а поутру все вам и расскажу.

— С Богом.

Я отпустила работника, куда он собирался, а сама пошла мыться, отдыхать да готовиться к завтрашнему дню.

А утром, пока я завтракала, прибежал Авдей с глазами размером с блюдо.

— Убили! Бабу убили ночью.

Следует отметить, что в криминальном плане Российская империя была крайне спокойной. Случались пьяные драки среди мужиков после посещения трактиров, но только до первой крови. Знать не ссорилась, потому что жили своим миром и умели договариваться, а особо агрессивная молодежь выясняла отношения на дуэлях, хоть они и были запрещены, но что поделать.

А чтобы женщин убивать? Я не припомню такого в Москве. Ладно там телегой в суматохе зацепить, но то несчастный случай, а судя по реакции Авдея, речь шла о намеренном убийстве.

— Рассказывай, что знаешь.

— Нашли ее поутру на улице меж домами. Стул посередине стоит, она рядом, на земле, как будто облокотилась на стул и рукой его обхватила. Ноги вытянула, словно напилась и задремала. Дворник вначале так и подумал, прикрикнул да ле-

гонько двинул ей, а она мертвая! — еще больше вытаращил глаза Авдей. — Но самое непонятное, что в руке у нее зажат дорогуший перстень с гранатом. Сама-то она по одежке служанка, откуда у нее целое состояние? Украла? И убили за это? А почему не забрали перстенок?

С выводами Авдея я была полностью согласна.

— А полиция что?

— Да ничего, даже городничий приезжал, на всех орал, требовал ответов, а они только руками разводят.

— Поди, ты и сам там был?

Авдей отвел глаза. Точно — был и все видел.

— А про поджог что известно?

— Говорят, мазню у заезжего художника князь Буржуа выкупать отказался, вот тот со злости и поджег.

Психов во все времена хватало, сколько историй, как с ножами на картины бросались. Возможно, и здесь такой же пробегал. Но если так, его быстро скрутят.

— Собирайся, берем товар и идем на ярмарку.

Мы вообще-то сюда по делам приехали, поэтому вначале работа, а потом все остальное. Но мыслями я время от времени возвращалась к череде странных происшествий. Захолустный городок, по сравнению с Белокаменной и столицей, а какие страсти здесь творятся!

Глава 11

Первым делом я направилась в Софийский собор. Как, не помолившись, за работу приниматься?

Собор располагался в центре Новгородского кремля в так называемом Владычном дворе, самый древний храм Руси, о чем с гордостью заявляли новгородцы, построен аж в 1045 году князем Владимиром в исконно русской архитектуре, где даже маковки церкви представлены в виде воинских шлемов. Роскошный, огромный, нарядный, величественный.

Внутри храм оказался не менее царственный, чем снаружи. Грандиозные массивные крестообразные столпы поддерживают своды, создавая ощущение монументальной мощи.

Удивительно, насколько древним мастерам удалось передать характер русского народа, а именно так я воспринимала Софию.

И пока не обошла весь храм, не смогла сосредоточиться на молитве, настолько он меня впечатлил.

Я поставила свечу Грише, поделилась с ним своими планами, попросила помощи. Затем расставила свечи за здравие, всем желала только крепкого здоровья и мудрости, остальное — купим.

Ну а после, одухотворенная красотой и монументальностью древней Софии, я направилась на торг.

Наученная опытом, решила первым делом пройтись по новгородским лавкам, да не борзеть, не кичиться своим товаром, а по-доброму перезнакомиться с местными. Может, подгляжу у них что полезное. Я ни от одного совета не отмахиваюсь, мне все важно.

Я зашла в первую текстильную лавку и осмотрелась. На

столах разложены самые дорогие ткани, даже рулон парчи высмотрела, а ведь это ткань для самых богатых, уровня примерно императора, к чему этакая роскошь здесь?

На боковых столах-прилавках лежали ткани попроще, а в самом темном углу и вовсе дешевка. Между рулонами, словно гирлянды, повсюду вились разноцветные ленты, тесьма, бахрома. Смотрелось это аляповато, дорого-богато, мельтешило перед глазами. Ну как хозяин этого не видит?

Меж тем, судя по гордому виду, рукам, сложенным на круглом животе, и золотой цепочки от петельки до кармашка жилета сам хозяин и вел торговлю. Борода до середины живота, косоворотка с вышивкой по воротничку, купец-старовер, не иначе.

— Доброго здравия, — я приложила руку к груди, чуть склонив голову. Мы в Москве все так здороваемся.

— Проходи, голубушка, выбирай ткани, у меня они лучшие во всем Великом Новгороде, — неожиданно на «ты» отозвался старовер.

— Вижу, ох и хороши у вас ткани.

Надо же сделать комплимент хозяину, расположить его к себе, вот я слегка и слукавила. На самом деле ничего выдающегося мой глаз не приметил.

— А мы ведь с вами в какой-то мере коллеги. Меня зовут Авдотья Боровикова, я купчиха третьей гильдии из Москвы.

Не успела я закончить приветственную речь, как лицо торговца скривилось, будто он лимон целиком в рот засунул

и разжевал.

— Ну, смотри, любуйся. Таких тканей ни в Москве, ни в Петербурге не сыскать, только в Великом Новгороде, — отвернулся от меня хозяин.

После чего молча стал ходить взад-вперед, не глядя и не разговаривая со мной. Я предприняла вторую попытку наладить знакомства.

— А вас как звать? Может, в будущем удастся наладить отношения?

Зря. Надо было разворачиваться и уходить, но я никак не могла взять в толк, что во мне не так? Ну да, молодая, и купчиха, но ведь не я одна такая в империи?

Взять Александру Лаваль, ее имя у всех на слуху. Владелица горных заводов на Урале, магнатка, наследница мясниковских миллионов, вела дела сама. Давала в долг французским королям. К ней в гости хаживал сам император. Более известна как мать княгини Екатерины Трубецкой, той самой, что первой отправится за мужем-декабристом в ссылку в Сибирь. Через полгода.

— Вот еще. Много чести с московскими знаться.

Показательно сплюнул себе под ноги хозяин и вовсе повернулся ко мне спиной.

Хам! Скотина невоспитанная! Я открыла было рот, чтобы рассказать ему все, что я думаю о его гостеприимстве, да Авдей потянул меня за рукав платья в сторону двери.

— Чего тебе?! — разъяренная, я обрушила свой гнев на

работника.

Между мной и им пропасть, прикасаться ко мне вообще запрещено. Да и в целом, не принято в империи обниматься и лобызаться. Исключение — Прощенное воскресенье, но то перед Богом. А здесь? Да как он смеет меня хватать за рукав?

— Не гневайся, матушка Авдотья Никифоровна, пойдем прочь, — чуть не плакал Авдей.

А ведь он росту богатырского, косая сажень в плечах. По виду больше напоминал охранника, нежели успешного в своем деле торговца, и такая мольба во всем его виде.

Да что такое происходит? Но благоразумие взяло верх, и, не прощаясь, много чести, я направилась к дверям, а в спину слышала:

— Молоко на губах не обсохло, а туда же... купчиха она.

Уже на улице, переминаясь с ноги на ногу и как бы извиняясь, поведал мне Авдей расстановку сил в Новгороде.

Со времен Господина Великого Новгорода все местные считали себя «белой костью». До момента покорения их величайшим царем Иваном Грозным жили вольно, отдельным государством, простирающимся от Балтийского моря и Уральских гор до Волги и Западной Двины. А все благодаря исключительному географическому расположению. По воде к ним привозили иностранные товары и увозили, произведенные у нас. Оттого имперские замашки в местных сильны и по сей день.

— Никого они не признают, кроме себя. Ни московских

дворян, ни столичных. Это мне вчера мужики рассказали. Говорят, к делам допускают только местных, а всех приезжих выживают правдами и неправдами. Так вот, Авдотья Никифоровна, надо было мне вам загодя это поведать. А за пожаром и убийством этим запамятовал, не гневайтесь на меня, барыня.

Я не верила своим ушам. Приехала-то я не из раскрепощенной столицы, а из патриархальной Москвы. И там надо мной поначалу тоже насмеялись, но со временем приняли мое положение и сотрудничали на равных. А эти... Живут своим прошлым, нет бы перенимать опыт, новое, что, несомненно, идет из столицы и от нас, так вы посмотрите, они не просто нос воротят, они откровенно пренебрегают общением.

Я решила проверить, правдивы ли слова Авдея, и пошла в другие лавки.

Зашла к ювелирам. В Москве этот бизнес в основном вели евреи, так уж сложилось исторически, но кроме иного вероисповедания и ряда особенностей они ничем не отличались от нас. Также принимали участие в благотворительности, восстанавливали Москву, гуляли на ярмарках. Обычные торговцы.

Но и здесь за прилавком я увидела бородатого, самодостаточного купца. Помимо него, у дверей на стульчике сидел здоровенный детина, то понятно — золото, бриллианты требуют охраны.

Я оглядела товар, такой в Москве считался... как бы это помягче, в общем, однорукый его делал: все коряво и некрасиво. Камни дорогие, да вставлены не изящно, вместо четырех крапанов, придерживающих камень, в наличии лишь три, а ведь расположены они симметрично, как мастер пропустил такой брак?

Но правила приличия требовали, и я похвалила товар. А затем представилась и добавила, что владею производством шалей, давая понять, что мы не конкуренты.

И вновь пренебрежение на лице торговца и полное отсутствие заинтересованности в продолжении беседы. А еще в его облике я не увидела ничего от древнего народа. Местные что, и евреев к торговле на своей земле не допускают?

Глава 12

Не передать словами, как меня «взбодрило» поведение здешних торговцев. И Гришино заступничество отчего-то не сработало. А может, это экзамен для меня? Дескать, сколько можно тебя за ручку водить? Взялась продолжать дело — будь любезна сама противостоять трудностям. Неразрешимых проблем нет, вот и ищи выход.

Везде, куда бы я ни заходила, отношение ко мне было одинаковым. Лишь в хлебной лавке, где торговала женщина средних лет, мне удалось поговорить.

— Не дадут вам здесь торговать, мы вот с мужем уезжали на пять лет, а когда вернулись, пришлось долго доказывать всем, что мы местные, ругать всех, кроме жителей Новгоро-

да, так здесь заведено. Не тратьте силы и деньги — уезжайте, — поправляя белоснежный платок на голове, с сочувствием объяснила мне она.

За это я купила у нее самых дорогих булок и упрямо направилась на ярмарку.

Ну, пусть местные устроили свою власть в городе, ярмарка — это же международное мероприятие. Не могут же и там они диктовать свои законы? Но, как показало будущее, я глубоко заблуждалась.

Ярмарку организывает кто? То-то же. Те же местные дельцы и организовывали. К иностранцам они относились почтительно и с уважением. Что объяснимо — те везли на ярмарку товары, которых нет в империи, а взамен покупали все местное и вывозили в свои страны. Поэтому заслуживали уважения.

Мы с Авдеем прошли по рядам с тканями, ими торговали в основном заезжие. Да, красивые и качественные, но цены... Мне поставщики отдают в два раза дешевле, и уже в Москве, то есть от транспортных расходов я избавлена. Посмотрела рисунки, нет ли чего нового, мне сгодится для шалей, но кроме набивших оскомину цветов, восточных узоров — ничего.

Следующий пункт нашей программы — продавцы платков и шалей. Тю! Всего четыре места, и товар как будто с одного склада выкуплен. С этими и говорить не о чем, поэтому я смело направилась искать устроителей ярмарки.

Они восседали под навесом. Разложили свои пышные туши вокруг круглого стола, ломящегося от яств. Посередине стоял самовар, и подросток подкладывал на крышку алые угли.

— Доброго здоровья! — поздоровалась я громко, привлекая к себе внимание.

Между мной и ими располагалась стойка, потом стол, стул, проход, а в дальнем углу эти сидят, чай гоняют.

— Ярмарка там, — не глядя в мою сторону, кинул через плечо один из них.

Они даже не повернули головы, не удосужились поинтересоваться, зачем я пришла.

Я понимаю, что империя в целом крайне консервативна. Женщине определено заниматься домашними делами, рожать детей и содержать в чистоте дом. Но ведь из любого правила есть исключения.

— Любезный! Не соблаговолите ли подойти ко мне?

Шумная беседа за столом затихла, и три пары глаз уставились на меня. Но с места ни один не сдвинулся.

— Да-да, я к вам обращаюсь. Вы же устроители ярмарки? — закипала я от их нежелания работать.

— Прохор Федорович! Кажись, зовут тебя? — с усмешкой обратился один из них к сидящему рядом.

Все были как на подбор: вВ кепках, с длинными бородами и стрижками «под горшок». Темные сюртуки до колена, штанины заправлены в начищенные до блеска сапоги и неиз-

менно надменное выражение лица.

— А с чего, Никита Данилыч, ты решил, что меня? Я знать ее не знаю, поди, денег пришла просить. А ну иди отседова, не подают здесь.

Последнее явно относилось ко мне. А ведь я одета богато. Пусть во все черное, по причине траура, но не заметишьшитое на заказ платье, отороченное дорогим черным кружевом, и перчатки на руках невозможно.

— Если платить за участие ярмарки не принято, то я пойду и начну торговать прямо сейчас.

Я нарочито стряхнула желтую пыль с рукава и развернулась, чтобы уйти.

— Эй, стой! Или угодить в полицию захотела? — оторвал жирный зад от стула тот, к которому обращались Прохор Федорович.

— Ах, платить все же надо? — съехидничала я.

— Ты, небось, из Петербурга такая дерзкая? — подошел к стойке мужик. Разглядел меня внимательно с головы до ног, а потом поднял руки вверх, потянулся всем телом и задорно пустил газы.

— В Петербурге пару недель назад я получила золотую медаль за свой товар. А сама я из Москвы. Авдотья Никифоровна Боровикова, купчиха третьей гильдии, — не без гордости представилась я.

— Братцы, вы слыхали? — с издевкой повернулся к своим пердун. — Купчиха из Москвы к нам пожаловала. А мы-то

не встретили ее как следовало, за стол не позвали, чаем не напоили...

В ответ все трое разразились громким смехом. Ржали как кони, продолжительно, утирая слезы с глаз.

— Прохор Федорович! Ну ты как сказанешь, потом живот от смеха ломит.

Обсуждение начало уходить от моего вопроса в сторону.

— Как мне оплатить место на ярмарке и приступить к торговле?

— А чем торговать приехала? — Прохор Федорович продолжал стоять ко мне в пол-оборота, бросая взгляды на своих.

— Шалями, — я вскинула повыше подбородок.

Смейтесь-смейтесь. Не так давно в столице вот так же смеялись, а потом рты поразевали и золотую медаль вручили.

— Братцы! Вы слышали! Эку невидаль привезла нам московская... купчиха! Шали!

И новый виток громкого смеха.

— У вас таких нет и никогда не было.

— Ну, коли не было, значит, не нужны они никому.

Дружки поддержали этого наглеца смехом, и он, уперев руки в боки, повернулся в мою сторону и закончил диалог с нажимом:

— Свободных мест торговых не осталось. Нечего тут шуметь, иди, откуда явилась.

Отряхнул брезгливо ладони и неторопливо вернулся за

стол, показывая всем видом, что разговор на этом окончен.

Глава 13

Я стояла и буквально хватала ртом воздух. Мужланы! Хамы! Они откровенно втоптали меня сапогом в пыль, мою гордость, мой товар, золотую медаль, унизили как никто и никогда, оскорбили до глубины души, и, самое ужасное, отговорка у них «железобетонная». Как доказать и, главное, кому, что места есть и меня с моим товаром просто не пускают на ярмарку, потому что я из Москвы и молодая женщина?

— Авдотья Никифоровна, перекусить бы вам, ужо день за середину перевалил.

Верный Авдей, как смог, пытался мне помочь. Он все это время стоял у меня за спиной и наблюдал своими глазами эту безобразную и вопиющую сцену.

Но, как ни странно, напоминание о том, что день перевалил за середину, вернуло меня на землю. Я лишь кивнула Авдею в ответ, потому что горло сдавил спазм. В нем туго переплелись обида, унижение, бессилие.

Пока выходили с ярмарки, я прокручивала в голове разговор. Нет, я ничуть не наглела. Мы, купцы, находимся на ступень выше остального люда. И даже устроители ярмарок и выставок лишь обслуживающий персонал для нас. Мы содержим их на свои деньги, поэтому вправе требовать и топтать ножкой. Так заведено в империи.

Мы же не просто обогащаемся, мы тратим кровные на нужды церкви, неимущих. Каждый купец, кого я знаю, в

той или иной мере занимается благотворительностью, такковы неписанные правила. Отсюда и уважение к нам в обществе.

Весь мой внутренний мир рухнул от разговора с устройствами ярмарки. Ну, ладно, не рухнул, но пережил десятибалльное землетрясение.

— В ресторан? Мне мужики подсказали один, самый роскошный, там...

— Нет, — прервала я Авдея на полуслове. — Пойдем на Волхов. Найдем там лавку и присядем.

Не хочу никого видеть, я избита, унижена. Хочу сидеть на берегу реки, смотреть на воду и молчать.

Вскоре Авдей подвел меня к лавке под тенью деревьев. И вроде как сидишь на набережной, но скрыта от глаз.

— Вот и булки нам пригодились.

Он деловито развернул пакет, из которого доносились умопомрачительные ароматы ванили.

— Матушка Авдотья Никифоровна, ты посиди здесь, а я за квасом сбегаяю.

Я кивнула ему. Говорить не хотелось.

Авдей оглянулся вокруг. Поставил рядом со мной мешок с шашками. Любовно его погладил и торопливо направился на набережную.

А там, на набережной, кипела жизнь. Сновали парочки, о чем-то тихо переговариваясь. Дамы жеманно улыбались, прикрываясь от солнца кружевными крошечными зонтами.

Кавалеры, грудь колесом, ступали чинно и горделиво, развлекая спутниц разговорами.

Между ними сновали подростки, с лотков продающие простенькие леденцы, булки, газеты, — куда без них? — нарушая своими криками тишину и умиротворенность момента. Жизнь продолжалась.

— Барыня Авдотья Никифоровна, вот, попейте квасок хмельной.

Проворный Авдей вернулся, не прошло и десяти минут. Или это я так глубоко задумалась? Протянул слегка запотевший кувшин, и тут я почувствовала жажду. Стаканов, кружек нет, ну и ладно. Для себя работник припас второй кувшин, а из своего я от души напилась прямо из горлышка.

У Фени квас слаще, но этот густой, терпкий, тягучий. Скорее кисель, а не квас, но следует отдать ему должное — вкусный, хоть и новгородский. Едва я смахнула с губ капли, как почувствовала головокружение. Дюже хмельной квасок оказался!

И вместе с хмелем в голову ударила ярость. Да пошли они все куда Макар телят не гонял. Тоже мне, центр мира! Тьфу — и растереть. И контракты с иностранцами мне не нужны. Подумаешь... Оценят ли те красоту и качество моих шалей?

Я вместо этого еще пару раз в столицу съезжу, поучаствую в выставках, завоюю все призы, заключу еще контрактов и буду только денежки считать да на лаврах поживать. Кстати, вроде бы кто из знакомых обмолвился, что в Москве по

осени собираются грандиозную выставку провести. Уж там я своего не упущу. Дома, как говорится, и стены помогают. Так, глядишь, из третьей гильдии во вторую перемахну. Никогда об этом не задумывалась, а вот сейчас такая злость взяла. Всем докажу, на что способна. Прославлю шали купчихи Боровиковой на всю империю.

А эти снобы новгородские... еще услышат обо мне. В ножки упадут, да не дам я им право своими шаями здесь торговать. Вот как сильно их накажу!

Я хвалилась сама перед собой, и настроение враз переменялось. У меня вновь за спиной выросли крылья и появилась цель в жизни.

Но стоило мне все разложить в голове по полочкам, как откуда ни возьмись пришла мысль: «А ведь не сдала я, получается, экзамен перед Гришей».

Столкнулась с первой трудностью — и отступаю. Собралась уже завтра домой уезжать и никогда боле на новгородской земле не появляться. Даже подарки отсюда не повезу. Домашним деньги раздам.

А как на моем месте поступил бы Гриша? Сдается мне, что не отступился бы. Не сломался перед первыми трудностями.

Осознав это, я застыдилась перед покойным.

Страсть как не хотелось оставаться здесь. Для меня это соизмеримо словам Писания «метать бисер перед свиньями». Ну а кто они еще? Особенно Прохор Федорович с товари-

щами.

Отвага схлынула, видимо, вместе с хмелем, а на смену ей вернулся холодный рассудок. Сдаваться сейчас — это малодушие, детская обидка. А я взрослая, успешная купчиха. Не по рангу мне подобное. Следует взять паузу и хорошенько обдумать план захвата Новгорода. Торговой его части.

И вот у меня появилась новая стратегическая цель. Но перед тем как ее обдумывать, я крепко наелась булками. Хоть и новгородские, но вкусные, заразы. А потом, расправив плечи, пошла в Софийский собор. Следовало посоветоваться с Гришей, помолиться и попросить Божией мудрости для решения своей проблемы.

Глава 14

И таки получила я утешение и помощь Святых угодников. Правда, не ту, на которую рассчитывала. А дело было так.

Провела я в Софии много времени. Присела на лавку и в мыслях беседовала с Гришей. Рассказывала ему, как все было, кажется, даже корчила рожи, судя по тому, как на меня смотрели прихожане.

По окончании поставила свечи, поклонилась святым и направилась в доходный дом. Что следует сделать первым делом? Правильно! Переспать со всем тем, что свалилось на мою голову. Не зря говорят — утро вечера мудренее.

Я составила план на вечер: хорошенько поесть, заказать себе горячую ванну, от души в ней полежать, смыть все обиды и лечь спать. А утром со свежими силами начать обдумы-

вать происходящее.

Подходила я к дому довольная собой. Пусть проиграно первое сражение, но не война. И тут из-за спины донесся голос Авдея:

— Матушка, глянь, а галерея то Буржуйская заработала.

А? Я повернула голову и подметила, что на противоположной стороне улицы только черные разводы кое-где напоминали о вчерашнем пожаре, ну и немного воняло. А в остальном ни мусора, — или что там сопутствует пожару? — ни прочего не было.

Это как им удалось за сутки все восстановить? Я не верила своим глазам. И вдруг у меня возникло желание заглянуть в галерею. В Москве по выставкам мне ходить некогда. А в столице... Хорошая мысль приходит опосля. Но, даст Бог, побываю еще. А глаз тянется к прекрасному...

— Пойдем посмотрим, что внутри.

Оглянувшись по сторонам, не угодить бы под копыта, мы с Авдеем лихо перебежали улицу.

Распахнутые двери были открыты, внутри возле них сидел мужчина с опрятной бородой и в зеленом сюртуке, на ногах ботинки. Не похож он на новгородца.

Я зашла, внутри стойкий запах гари, несмотря на открытые окна и двери. Но что странно — картины не тронуты огнем. На всякий случай осведомилась:

— Милейший, открыто ли?

— Прошу, сударыня. Проходите, — подскочил он на стуле

и слегка поклонился мне.

Вот она, первая победа, вернее, первый поклон от новгородцев. Потешила сама себя.

— Платить вам?

Да, до пожара вход был бесплатный, но может, что изменилось?

— Его светлость князь Александр Вальдемарович Буржуа установил не брать плату за посещение его галереи, — второй раз поклонившись, почтительно отозвался мужик.

Я кивнула ему и прошла внутрь. Деньги целее будут.

Я не знаток искусства, для себя различаю все картины и экспонаты по принципу «красиво — не красиво». Субъективно, но никто меня не учил, поэтому так уж повелось.

А в галерее мне сразу понравилось. Чувствовался размах, богатство и подражание средневековому замку. Прямоугольное помещение, без переходов. Единое пространство.

Стены выложены серыми булыжниками, без намека на отделку. По стенам, на приличном удалении друг от друга расположены картины в массивных резных рамах. А над ними, а то и между ними, воинские щиты, да такого размера, что я целиком за ними укроюсь. Мечи также внушительных размеров, шлемы, латы, кольчуги, металлические, начищенные до блеска защитные перчатки для рук. Здесь же порядком поношенные кожаные перчатки, длиной едва не до локтя. Дальше несколько арбалетов и рядом с ними стрелы.

Я обходила зал по второму разу, потому что хотелось еще

и на картины взглянуть, а все внимание оказалось приковано к оружию.

И картины мне понравились. Это были пейзажи, портреты, изображения городских кварталов, сценки из жизни простых людей.

— Позвольте, сударыня, выразить вам свое восхищение, — оторвал меня от созерцания бархатный голос за спиной.

Я обернулась и увидела перед собой истинного денди, аристократа, словно сошедшего с одной из картин. Густая русая шевелюра, прямой нос, стальная усмешка в уголках глаз. Незнакомец был гладко выбрит, на вид ему лет тридцать с небольшим. В двуполом клетчатом пиджаке, узких брюках. Одной рукой он опирался на массивную трость с внушительным набалдашником в виде львиной головы с раскрытой пастью. Во второй держал шляпу-цилиндр. Такие сейчас на пике моды. Пушкин тоже в такой мне повстречался.

— В чем вы находите восхищение, сударь?

— Вы первая из женщин, что с таким интересом рассматривает мои экспонаты. Позвольте представиться: князь Александр Вальдемарович Буржуа, — прищелкнув каблучками, красавец слегка склонил голову.

Да ну? Неужели этот вот господин и есть тот владелец заводов, пароходов...

— Авдотья Никифоровна Боровикова, купчиха третьей гильдии.

Я склонилась в поклоне, все же он знает, да еще и князь, я обязана выразить свое почтение.

— Какая прелесть! — оживился владелец галереи. — По виду вы истинная аристократка, встретить я вас на балу, ни на миг бы не усомнился. Да еще и интересуетесь искусством. Вы лжете. Признавайтесь, вы графиня?

Он что, флиртует со мной? Мы же из разных миров. Я трудяга, сама зарабатывающая деньги, а он... Представитель высшего света, наверняка блистает на балах в столице, водит дружбу если не с самим императором, то с лицами, к нему приближенными. Между нами ничего общего, а на тот случай, если он задумал поразвлечься...

— Что вы ваша светлость, вот вам крест.

Перекрестившись, я заметила, как князь чуть скривился. Ну да, не приняла я его игру, и такое случается. Я прекрасно знаю свое место и хочу сохранить дистанцию. За день я убедилась в нравах новгородцев, а прибавьте к тому несметные богатства и положение в обществе? Случись что, этот богатей размажет меня по земле, да еще и выставит виновной во всем. Не-не-не.

— Сударыня, а что привело вас в мою галерею?

Вот какой прилипчивый. Дел, что ли, нет?

— Ваша светлость, все говорят о вашем великодушии и щедрости и о том, что вы установили посещение бесплатным, вот я и не удержалась.

Пусть думает, что я еще и жадная, и держится от меня

подальше.

— А какой экспонат вам понравился больше всего?

Дураком он быть не может. Значит, все же скучно ему.

— Щит. Вот этот, — я ткнула пальцем в ближайший и добавила, выпучив глаза: — Огромный.

Вот теперь порядок. Князь скривился в очередной раз и, пожелав мне приятного просмотра, сослался на срочные дела. Еще пару минут я раскланивалась перед ним и молилась вслух о его благополучии, правда, в стремительно удаляющуюся спину. Но ничего. Главное, показала себя обычной торговкой и пресекла на всякий случай его интерес к себе.

Далее я быстро прошла и посмотрела картины. Красивые. Вот прям все натуралистичные, нравятся мне такое. После чего вернулась к себе.

Первым делом выдала Авдею денег на общение с местными, сама превосходно поужинала в ресторане, повалилась в ванне и легла спать.

Глава 15

Утро принесло свежие мысли в мою голову. А с каких щей, простите, я должна уступать местным? Мы живем в одной империи, подчиняемся одним законам, платим сборы.

Но нахрапом их, как показал вчерашний день, не взять. Поэтому я зайду с козырей — с денег. Универсальное средство общения. Эти шуршащие бумажки могут двух друзей превратить в лютых врагов до гробовой доски, и наоборот. История полна подобными случаями.

Денег я взяла с собой с запасом, плюс не распродала ни единой шали, а они у меня замечательные, и я таки успела приделать к каждой этикетку с изображением золотой медали, а это уже статус. Поэтому буду подкупать и сыпать комплиментами.

Стратегию я выбрала простую. Снять угол под торговлю в центре, понятно, не дадут, а я на задах сниму. Затем наполню магазин товаром и запущу широкомасштабную рекламную кампанию. Дам статью в местную газету, расхвалю свой товар. Затем напечатаю в Москве рекламные листовки и раздам уличным мальчишкам. Пусть за монетку выкрикивают мое имя и адрес и хвалят товар. Таким образом, создам спрос, а там и до ярмарки рукой подать.

Спускалась я в ресторан в приподнятом настроении. Пока плотно завтракаю, прибежит Авдей с новостями, возьмем пару шалей для образца, и мы двинем искать подходящее помещение.

Уже и завтрак я закончила, и вторую чашку чая выпила — а где Авдей?

Одной мне идти ну никак нельзя, да и работник он у меня отменный. Куда запропастился? Или перебрал вчера с друзьями да проспал? Но, сколько я помню, не водилось за ним такое.

Вышла на крыльцо, осмотрела улицу с двух сторон. Все, как обычно, — спешили люди, проезжали кареты. Взгляд упал на галерею. А там в дверях стоял князь Александр Валь-

демарович Буржуа и, держа цилиндр в руке, смотрел на меня. Едва мы встретились глазами, он улыбнулся и чуть склонил голову. Я поклонилась в ответ, но с места не двинулась. А улыбка, я вам скажу, у него располагающая. Открытая, и привлекательная. Да и сам он хорош, как смертный грех, чего уж там. Но следует помнить, что он относится к числу небожителей, а я из земных. Он может себе позволить развлекаться, а я никак. Честь, знаете ли, на торге не купить.

Стояли мы еще, наверное, с минуту, смотрели друг на друга, а потом я поклонилась и вернулась в ресторан. Вот случится же такое, из новгородцев, а оказался воспитанным человеком. А может, он вовсе и не флиртовал, а я в ответ... Нехорошо получилось.

А если не флиртовал, тогда что? Пойти и извиниться? И Авдей куда запропастился? Мне о делах думать надо, а тут этот князь из головы не идет.

От греха подальше я поднялась в свои покои. Полежала. Но любопытство взяло верх. Поднялась и по стеночке, на цыпочках подошла к окну. Спряталась за шторку и осторожно выглянула на улицу.

Галерея князя занимала отдельное большое помещение. А ведь это неразумно, с экономической точки зрения. Ну кто мешает построить доходный дом, а первый этаж отвести под картины? А вот гляньте на этого богатея, не захотел так.

Первым делом посмотрела на крыльцо. Пусто. Ну а чего я ожидала? Что князь до вечера в дверях простоит, в ожида-

нии моего появления? И кажется, мне он начинает нравиться. Как человек, не знаю, а вот внешне он чертовски привлекателен. Наверняка женат. А сколько у него детей? А кто жена? Тьфу, не надо думать об этом.

Авдей постучался через полчаса, когда я уже сама подумывала до него идти.

— Прости, матушка, — прижимая ладони к груди, покался он. — Опять бабу убили.

Я разом «сдулась», а ведь готовилась ему устроить знатную выволочку.

— А ну заходи и рассказывай.

Комнаты в моих покоях расположены анфиладой, так принято. Я усадила его в гостиной и начала расспрашивать.

Выяснилось, что женщину нашли на набережной Волхова. Она перегнулась через ограду и так и замерла.

— Думали, пьяная, а она того... Задушена, — перекрестился в конце рассказа Авдей.

На шее золотая цепочка с гранатовым кулоном. И в прошлом убийстве был этот камень, и сейчас. И та из служанок, и эта.

Серийник у них завелся? А может, ну его, торговать здесь, ноги в руки и в благополучную Москву? Но опять же любопытство взяло верх.

Что я знаю о серийных убийцах? Да то же, что и все. Жертв подбирают, как правило, одинаковой наружности. Благополучные в семье, звери, когда выходят на охоту.

— А внешне первая и вторая женщины похожи?

Уверена, что Авдей побывал и на месте второго убийства.

Иначе где он провел утро?

Он на секунду задумался.

— Первая тощая и длинная, лет тридцать с гаком. А вторая молодая, двадцать едва ли есть, низкого роста и толстовата.

Внешне жертвы не похожи. О чем это говорит? О том, что я все же не следователь.

— А полиция что говорит?

— Матом всех кроют, и только, — отвернулся Авдей.

Но все же надо заметить, что убийца не прячет свои жертвы, а выставляет напоказ. Значит, что? Хвалится ими? Явно ведь привлекает к ним внимание. Да еще дорогушие украшения. О чем это говорит? Вот бы знать...

— А сами они кто?

— Первая служанка, вроде как нашли, к кому нанималась, но те не признали перстень. Говорят, не ихней.

— А вторая?

— То пока полиции неизвестно. Но по одежде вроде как тоже служанка.

— А что еще при них было? Корзины там, может, мешки? Сам посудит, если служанка, то не дело ей по городу с пустыми руками ходить. За продуктами ходят с чем-то.

Авдей вновь задумался, потом помотал головой.

— Ничего боле при них не было.

Значит, преступник забрал. Хотя... Надо ему это?

Больше из Авдея вытрясти ничего не удалось, да и у меня вопросы иссякли, и мы собрались и пошли на поиски магазина. Хоть Авдей и не приветствовал мою затею.

— Не сдадут вам, Авдотья Никифоровна, ничего.

А ничего, не сдадут, я буду придумывать другие варианты. Под лежащий камень вода не течет.

Глава 16

Мы с Авдеем прошли от набережной в противоположную сторону. Здесь и дома попроще, и люд в основном рабочий, да и карет не видно. Будут ли здесь хорошие продажи? Очень сомневаюсь, но в настоящее время я решаю другую задачу.

Зашла в обувную лавку. Этим я точно не конкурент. Мои шали для них — сопутствующий товар.

Первым делом оглядела, как выставлен товар. Все правильно — в открытых шкафах с перегородками выставлена обувь, начиная от грубых сапог и заканчивая изящными тряпичными туфлями на небольшом каблучке. А вот стены совершенно голые. А если на них красиво развесить мои шали, то вид помещения сразу изменится, да и дополнительного места не потребуется.

Из-за прилавка ко мне уже бежал молодой мужчина. Рыжие вихрастые волосы, лицо обильно присыпано веснушками и редкая, как говорят в народе «козлячья», борода.

— Сударыня, прошу вас присаживайтесь на стульчик.

Кланяясь в пояс, он взял меня под локоток и проводил к

одному из стульев.

— Благодарю, милейший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.